

Калайдович пользовался особым уважением и доверием со стороны одного из издателей «Слова», Н. Н. Бантыша-Каменского. Последний в письме к графу Н. П. Румянцеву от 26 декабря 1813 года не случайно рекомендовал для издания «Собрания государственных грамот и договоров» Калайдовича как «человека, знающего крепко литературу и российскую историю».¹

За разъяснениями по поводу древней поэмы об Игоре в походе Калайдович обращался в 1813 году к Бантышу-Каменскому, Карамзину, Малиновскому, Тимковскому, Сопикову и многим другим знатокам «российских древностей».

Сведения, полученные от Мусина-Пушкина Калайдовичем, нужны были последнему лишь как дополнение и подтверждение данных, собранных молодым ученым от других, весьма сведущих в этом деле лиц. О том, что названным лицам было известно происхождение рукописи «Слова», свидетельствует следующее, относящееся к 1801 году и принадлежащее Карамзину объяснение к портрету Баяна: «За несколько лет перед сим в одном монастырском архиве (разрядка наша, — Ф. П.) нашлось древнее русское сочинение, достойное Оссиана и называемое „Песнью воинам Игоря“».² В подобной обстановке Мусин-Пушкин не мог, если бы даже он хотел этого, создать вымышленную историю открытия рукописи «Слова» и должен был сообщить Калайдовичу то, что уже и до того было хорошо известно небольшой группе лиц, имевших отношение к изданию рукописи «Слова о полку Игоре в».

Не следует забывать и того, что сообщение Мусина-Пушкина носило характер частного письма и не предназначалось для опубликования. Оно было напечатано Калайдовичем лишь через семь лет после смерти Мусина-Пушкина. Известной гарантией правдивости сообщения Мусина-Пушкина об Иоиле может служить и то, что Калайдович, обладавший не одной возможностью для проверки полученных им от Мусина-Пушкина сведений, никогда не подвергал их сомнению.

Только исходя из предположения, что в лице Иоила Прецницкого Мусин-Пушкин видел своего соперника, причем соперника, которому он был многим обязан, можно объяснить и первоначальную (до 1800 года) незаинтересованность Мусина-Пушкина в оглашении своего выдающегося открытия, и слишком затянувшийся ход издания памятника, и отсутствие указаний о происхождении рукописи в предисловии к первому ее изданию, и известную уклончивость, сдержанный характер ответа Мусина-Пушкина Калайдовичу в письме от 31 декабря 1813 г.

Гипотеза о заметной роли архимандрита Иоила не только в сохранении, но и в «открытии» «Слова о полку Игоре в», естественно, нуждается во всесторонней проверке. Степень достоверности этой гипотезы может быть окончательно определена только после дополнительного изучения всех печатных и рукописных источников, связанных с жизнью и деятельностью как Мусина-Пушкина, так и в особенности архимандрита Иоила.

Дополнительные сведения, относящиеся к деятельности последнего, могут быть обнаружены в архивах Москвы, Ленинграда, Киева, Чернигова

¹ См.: П. Безсонов. К. Ф. Калайдович. Чтения ОИДР, 1862, кн. 3, стр. 100—101

² Н. М. Карамзин. Пантеон русских авторов, т. I. СПб., 1801. Следует отметить, что этому свидетельству Карамзина о первоначальном местонахождении рукописи «Слова» противоречит сообщение Евгения Болховитинова о том, что рукопись с текстом «Слова» была приобретена Мусиным-Пушкиным у книгопродавца Ивана Глазунова (см.: Труды ОДРЛ, X, стр. 252). Так как свидетельство Карамзина было сделано печатно и никем из издателей «Слова» и современников не было опротестовано, то версия о Глазунове как первоначальном владельце рукописи «Слова» приобретает достоверность только в том случае, если Глазунов выступал в роли того комиссионера, через которого Мусин-Пушкин приобретал рукописи у архимандрита Иоила.